

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.60.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.60.003)

Оригинальная статья / Original paper

Ю.П. Орлова

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: iorlova@eu.spb.ru

Автономия духовных семинарий под надзором Учебного комитета при Святейшем синоде: столкновение двух бюрократических культур в ходе реформы духовно-учебных заведений 1867 г.

Аннотация

Статья посвящена взаимодействию правлений духовных семинарий и чиновников Учебного комитета при Святейшем Синоде в ходе реформы духовного образования 1867 г. На основе журналов Учебного комитета, отчетов ревизоров, материалов канцелярии обер-прокурора Д.А. Толстого и делопроизводственной документации семинарских правлений показано, что, возложив на семинарские администрации обязанность самостоятельно разрабатывать инструкции для воспитателей и правила поведения воспитанников, реформаторы предполагали создать гибкую систему, адаптированную к местным условиям. Однако на практике эта децентрализация обернулась глубинным конфликтом, в котором столкнулись не просто разные уровни управления, а принципиально разные бюрократические культуры: с одной стороны — стремление Петербурга к унификации практик, контролю и «позитивным» предписаниям, а с другой — специфическая система норм и принятия

решений семинарских правлений, опиравшаяся на авторитет Священного Писания, и убежденность в том, что воспитание не поддается формальной регламентации. Это противоречие вкупе с неготовностью правлений к новой формальной роли в системе регулирования духовного образования, в конечном итоге привело к кризису управленческой модели. Уже к середине 1870-х гг. автономия духовных школ была существенно ограничена, а Учебный комитет вернулся к практике централизованной регламентации воспитательного процесса.

Исследование позволяет по-новому взглянуть на механизмы реализации Великих реформ на локальном уровне и расширить сложившиеся в историографии представления о церковной бюрократии, которую традиционно ассоциируют с синодальными и консисторскими чиновниками и епархиальными архиереями. В статье показано, что в бюрократическую вертикаль были включены и такие локальные акторы, как правления духовных семинарий, оказавшие непосредственное влияние на ход преобразований.

Ключевые слова:

реформа духовно-учебных заведений 1867 г.; Учебный комитет; духовные семинарии; ревизии духовно-учебных заведений; бюрократическая культура

Для цитирования:

Орлова Ю.П. Автономия духовных семинарий под надзором Учебного комитета при Святейшем синоде: столкновение двух бюрократических культур в ходе реформы духовно-учебных заведений 1867 г. Исторический вестник. 2026. Т. 60. С. 110–135. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.60.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.60.003)

Yulia P. Orlova

European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: iorlova@eu.spb.ru

The Autonomy of Theological Seminaries under the Supervision of the Educational Committee of the Holy Synod: The Clash of Two Bureaucratic Cultures during the 1867 Reform of Theological Education

Abstract

The article examines the interaction between the governing boards of theological seminaries and officials of the Educational Committee of the Holy Synod during the 1867 reform of theological education. Drawing on the journals of the Educational Committee, inspectors' reports, materials from the office of Chief Procurator D.A. Tolstoy, and administrative records of seminary governing boards, we can see that, by assigning seminary administrations the responsibility for independently developing instructions for educators and rules of conduct for students, the reformers sought to create a flexible system adapted to local conditions. In practice, however, this decentralisation resulted in a profound conflict in which not simply different levels of administration but fundamentally different bureaucratic cultures came into confrontation. On the one hand, St. Petersburg sought to standardise practices, strengthen control, and introduce "positive" prescriptive regulations; on the other, seminary governing boards relied on a specific system of norms and decision-making grounded in the authority of Holy Scripture and on the conviction that education could not be subjected to formal regulation. This contradiction, combined with the governing boards' lack of preparedness for their new formal role in regulating theological education, ultimately led to a crisis in the administrative model. By the mid-1870s, the autonomy of theological schools had been substantially curtailed, and the Educational Committee returned to the practice of centralised regulation of the educational process. The study offers a new perspective on the mechanisms through which the Great Reforms were implemented at the local level and broadens the established historiographical understanding of church bureaucracy, which has traditionally been associated with officials of the Synod, diocesan administrations and diocesan bishops. The article demonstrates that the bureaucratic hierarchy also incorporated such

local actors as the governing boards of theological seminaries, which had a direct impact on the course of the reforms.

Keywords:

Reform of theological educational institutions of 1867; Educational Committee; Theological seminaries; Inspections of theological educational institutions; Bureaucratic culture

For citation:

Yulia P. Orlova. The Autonomy of Theological Seminaries under the Supervision of the Educational Committee of the Holy Synod: The Clash of Two Bureaucratic Cultures during the 1867 Reform of Theological Education. The Historical Reporter. 2026. Vol. 60. P. 110–135. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.60.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.60.003)

еформа духовного образования 1867 г. стала масштабным экспериментом по внедрению новых бюрократических практик в систему управления воспитанием будущих священнослужителей. В ходе преобразований существенно изменилось место семинарий в структуре духовного образования. Согласно новому уставу духовные школы перешли в непосредственное подчинение епархиальным архиереям, а консистории и съезды духовенства были исключены из процесса управления образованием, что усилило самостоятельность православных семинарий¹. Главной сферой автономии семинарской администрации стало управление воспитательным процессом. Устав 1867 г. определял только общие права и обязанности учащихся, наставников и руководителей. Составление конкретных регламентов — инструкций для инспекторов и правил поведения семинаристов — стало официальной обязанностью правлений на местах². Это должно было позволить адаптировать общие положения под особен-

¹ Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы. М., 2012. С. 172–173; Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 317.

² Журнал Учебного комитета при Святейшем Синоде с соображениями по вопросам, касающимся устройства воспитательной части в духовных семинариях. 1871 год. СПб.: Синодальная типография, 1880. С. 20.

ности конкретного учебного заведения, связанные с так называемыми «местными условиями»³.

Новоприобретенные права и обязанности семинарских администраций сделали их самостоятельным актором реформирования духовных семинарий. Закономерно увеличилось взаимодействие петербургских чиновников Синода, преимущественно выходцев из духовного ведомства, и членов семинарских правлений, принадлежавших в своем большинстве к приходскому духовенству. Хотя все решения педагогических и распорядительных собраний духовных школ утверждались епархиальным архиереем, членам правлений и даже рядовым педагогам приходилось все чаще объяснять и защищать свои взгляды на воспитательные порядки перед ревизорами Учебного комитета и лично обер-прокурором Синода.

Однако уже в начале 1870-х гг. автономия духовных семинарий стала ограничиваться. Реакция правлений на нововведения, как и содержание самих составляемых инструкций не оправдали ожиданий чиновников. Представители высшей церковной власти разочаровались в попытке внедрения бюрократической инновации и вернулись к идее стандартизации воспитания будущих пастырей «сверху»⁴.

Эпоха Великих реформ в целом характеризовалась управленческими экспериментами в разных сферах и ведомствах. Децентрализация и расширение автономии местных управлений были одними из ярких черт административной политики 1860-х гг., чаще всего рассматриваемой на примере реформы городского и земского самоуправления⁵. В духовном ведомстве под руководством Д.А. Толстого также происходила децентрализация функций Синода, в ходе которой отдельные полномочия были переданы епархиям⁶. Однако уже в 1870-х гг. эксперименты с автономией стали сворачиваться из-за претензий местных властей на расширение полномочий и полноценное участие в политической жизни империи⁷.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 149. Д. 150. Л. 8.

⁴ Орлова Ю.П. Ревизоры Учебного комитета при Св. Синоде как агенты реформы духовного образования 1867 года // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2025. № 1 (73). С. 117.

⁵ Lincoln W.B. In the vanguard of reform: Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982. P. 199; Жукова Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество 1864–1917 гг. М., 1998. С. 9.

⁶ Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб.: Наука, 2006. С. 70.

⁷ Барыкина И.Е. Государственное управление России второй половины XIX века (особые формы и специальные институты). СПб.: Нестор-История, 2018. С. 75–76.

Обер-прокурор Синода граф Дмитрий Андреевич Толстой. Конец 1870-х гг.
ИРАИ (Пушкинский Дом) РАН

В свою очередь, автономия, данная духовно-учебным заведениям в 1867 г., была ограничена по противоположным мотивам. Как будет подробнее показано далее, семинарские правления не только не стремились к расширению своих полномочий, но крайне пассивно использовали имевшиеся. Почему так происходило? Как реализовывалась автономия семинарских правлений в вопросах воспитания будущих пастырей церкви? Какие противоречия возникали между центральными органами управления и местной семинарской администрацией? Какие позиции занимали стороны в дискуссиях о регламентации духовно-нравственного воспитания учащихся? Ответы на эти вопросы помогут не только выявить конфликт интересов двух уровней управления духовным образованием, но и определить ключевые факторы провала эксперимента по расширению автономии семинарий.

Понятие «церковная (или духовная) бюрократия» в историографии используется редко и ассоциируется в первую очередь с синодальными и консисторскими чиновниками, реже — с епархиальными архиереями⁸. Однако, как отмечал крупнейший историк церкви Г. Фриз, в 1860-х гг. государство активно стремилось вовлечь в управленческие процессы ранее

⁸ См., напр.: Алексеева С.И. Указ. соч. Хотя отдельные историки настаивают на «обюрокрачивании» всего духовенства в Синодальный период. См.: Мангилева А.В. В замкнутом круге бюрократизации и реформ приходской жизни / Диалог о книге: Беглов А.А. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы // Российская история. 2024. № 4. С. 74.

не участвовавшие в них слои общества. В своей фундаментальной монографии он призывал внимательно прислушиваться к голосам этих новых акторов, чтобы узнать больше о концептуальных проблемах, с которыми столкнулись реформаторы в попытках перестроить управленческую инфраструктуру «сверху донизу»⁹. Такими акторами были, в том числе, администрации духовных школ, не имевшие ранее опыта взаимодействия с другими бюрократическими инстанциями. Их изучение поможет пролить свет на бюрократические эксперименты 1860-х гг. и лучше понять специфику реализации реформ в Российской империи.

Система управления духовным образованием по итогам реформы 1867 г.

С 1808 по 1867 г. управление духовным образованием осуществлялось через централизованную вертикаль. В основе системы лежало соподчинение учебных заведений разных уровней, напоминавшее современникам неудобное для жизни «четырёхэтажное здание»¹⁰. До 1839 г. во главе системы находились Комиссия духовных училищ, а затем — Духовно-учебное управление (ДУУ), отвечавшее за составление учебных программ, назначение преподавателей, подготовку проектов преобразований и отчетов¹¹. Непосредственный надзор за семинариями вели духовные академии. Академическое начальство в лице монашествующего духовенства было обязано регулярно ревизовать подведомственные им школы и подготавливать отчеты о состоянии учебной и воспитательной части для ДУУ.

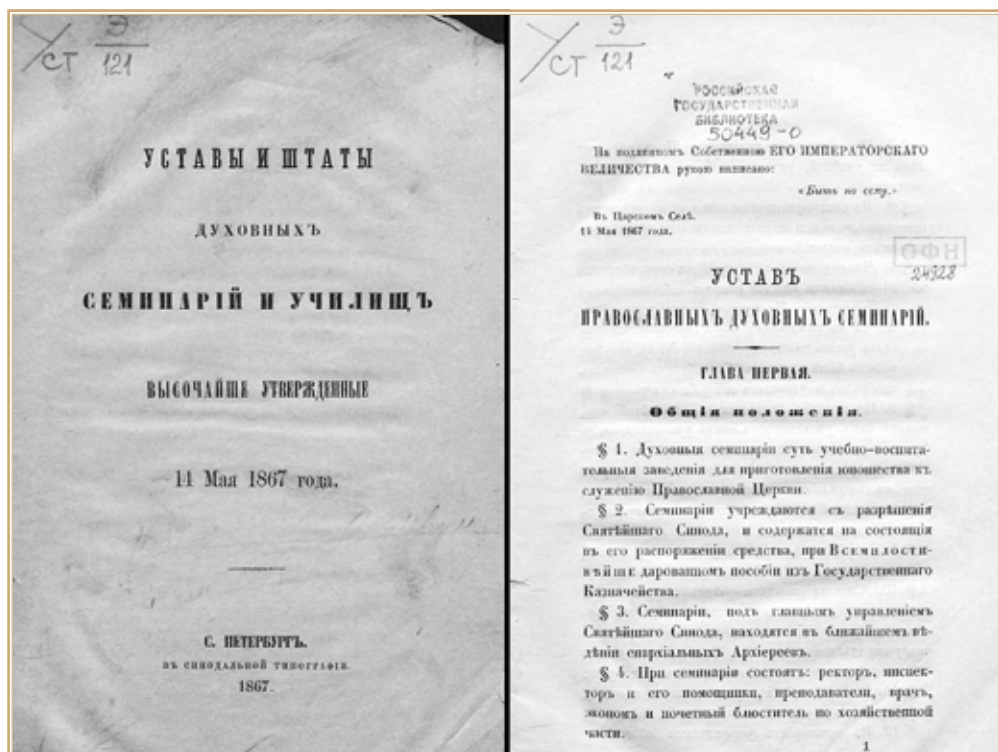
Вступивший в 1865 г. в должность Д.А. Толстой не доверял отчетам архимандритов и был недоволен вертикальной системой подчинения духовно-учебных заведений¹². Хотя Синод формально сохранил за собой исключительное право определять церковную политику, большая часть регулярных решений отныне принималась светскими чиновниками, заседавшими в канцелярии обер-прокурора и созданном в 1867 г.

⁹ Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. P. 193.

¹⁰ *Ферапонт (Широков), иером.* Ревизии духовных школ до учебной реформы 1867 года // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2022. № 4 (21). С. 87.

¹¹ *Сухова Н.Ю.* История управления духовно-учебными заведениями в России. 1807–1967 гг. // Богословский сборник № 13. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. С. 226.

¹² *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа... С. 178.

Устав духовных семинарий 1867 г.
Из открытых источников

вместо расформированного ДУУ Учебном комитете. Они отбирались лично Д.А. Толстым из успешно проявивших себя на предыдущем месте службы доверенных лиц¹³.

Устав духовных семинарий и училищ 1867 г. закрепил новую систему управления учебными заведениями. Отныне духовные школы подчинялись напрямую епархиальному архиерею, который должен был контролировать действия семинарских начальств и ежегодно отправлять в Учебный комитет отчеты о состоянии подведомственных школ. В свою очередь, обязанности ревизовать духовные семинарии легли на плечи специально назначенных членов Учебного комитета. По представлению Д.А. Толстого, чиновники как лица незаинтересованные должны были беспристрастно и объективно оценивать результаты преобразований школ по новому уставу, проверять содержание составленных семинарскими правлениями воспитательных регламентов и по необходимости давать рекомендации по устранению недочетов¹⁴.

¹³ Freeze G.L. Op. cit. P. 12.

¹⁴ Орлова Ю.П. Ревизоры Учебного комитета... С. 108–109.

Таким образом, с формированием Учебного комитета и изданием Устава духовных семинарий и училищ 1867 г. изменились структура и социальный состав центрального управления духовно-учебными заведениями. На смену ревизорам-архимандритам пришли ревизоры-чиновники, далеко не все из которых прежде были связаны с духовным ведомством. Они подчинялись напрямую обер-прокурору и позиционировали себя борцами с устаревшими педагогическими традициями «старой бурсы»¹⁵.

Изменения в центральном управлении шли рука об руку с административными инновациями на местах. Согласно новому уставу ключевые решения, касающиеся обязанностей наставников, норм поведения, а также системы поощрений и взысканий воспитанников, принимались на заседаниях педагогического собрания правлением духовной семинарии под председательством ректора с последующим утверждением местным архиереем. В педагогическое собрание входили семь преподавателей, избранных общим собранием всего семинарского штата, инспектор и три приглашенных члена от духовенства. В случае возникновения разногласий внутри правления окончательное решение оставалось за преосвященным¹⁶.

С 1867 г. ректор больше не назначался директивно из Петербурга¹⁷, а также избирался общим собранием преподавательского состава семинарии с последующим утверждением местным архиереем¹⁸. Члены от духовенства выбирались из действующих священнослужителей на епархиальных съездах. Их задачей было беспристрастно оценивать поведение воспитанников и следить за непредвзятостью педагогов и членов правления¹⁹.

Такая система сдержек и противовесов на местах должна была помочь избежать кумовства и злоупотреблений. Тем не менее на практике делегаты от духовенства зачастую не могли сохранять нейтралитет. Яркой иллюстрацией этого стал инцидент в Тифлисской семинарии. В 1873 г. несколько застигнутых за чтением и распространением запрещенной литературы воспитанников не были своевременно исключены

¹⁵ Там же. С. 112.

¹⁶ Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. СПб., 1867. С. 19.

¹⁷ Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных семинарий // ПСЗ. Первое собрание. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673. С. 955.

¹⁸ Уставы и штаты духовных семинарий... С. 18.

¹⁹ Уставы и штаты духовных семинарий... С. 17. Про непредвзятость членов от духовенства см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 150. Д. 884. Л. 4–4 об.

из учебного заведения, как того требовали законы. При проверке оказалось, что среди провинившихся были дети и близкие родственники состоявших в правлении членов от духовенства. После скандала скомпрометированные заседатели были отстранены от своих должностей²⁰.

Кроме того, избранные церковнослужители нередко уклонялись от участия в педагогических собраниях подопечных семинарий. Многие из них жили далеко от духовных школ и совмещали членство в правлениях со службами в церкви и исполнением треб. Поскольку участие в собраниях не оплачивалось дополнительно, отсутствие одного или всех трех членов из-за занятости или болезни стало регулярным явлением²¹. Привлечь практикующих пастырей к управлению учебно-воспитательным делом не получилось, по крайней мере в том объеме, на который рассчитывал Синод.

Инспектор считался заместителем ректора «по всем частям семинарского управления». Он также избирался общим собранием из действующих или бывших преподавателей и должен был иметь степень магистра или кандидата Духовной академии. При этом на него возлагались все основные обязанности по организации воспитательного процесса. Он должен был наблюдать за нравственным состоянием учеников, их здоровьем, успехами и внешним видом, преподавать один из богословских предметов, а также следить, «чтобы учителя своевременно приходили в классы, надлежащим образом обращались с воспитанниками, не отступали от утвержденных программ»²². В зависимости от численности учащихся ему ассистировало от одного до трех помощников.

Для содействия инспектору в воспитательной работе в 1871 г. в Московской духовной семинарии с одобрения обер-прокурора Синода был запущен эксперимент по привлечению дополнительных надзирателей из семинарских выпускников²³, однако эта практика так и не стала повсеместной. Можно предположить, что далеко не каждая семинария могла выделить средства для содержания дополнительных штатных воспитателей. Неочевиден был и престиж этой должности для соискателей. Если инспектор мог рассматривать свое назначение как трамплин для повышения по службе²⁴, то в качестве помощников и надзирателей при-

²⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1874 г. Д. 71. Л. 206–206 об.

²¹ См., напр.: РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1878 г. Д. 22. Л. 5.

²² Уставы и штаты духовных семинарий... С. 8–10.

²³ Современное обозрение // Христианское чтение. 1871. № 4. С. 759–762.

²⁴ У инспектора были хорошие шансы стать следующим ректором духовной семинарии или при удачном стечении обстоятельств — чиновником духовного ведомства в Петербурге. Так, члены Учебного комитета при Синоде И.К. Зинченко

влекались в основном молодые выпускники духовных академий, студенты семинарий, а также бывшие и действующие учителя, остро нуждавшиеся в средствах к существованию и не пользовавшиеся авторитетом ни среди педагогов, ни среди воспитанников²⁵.

Важным нововведением стало и то, что ректором семинарии отныне мог стать не только представитель монашеского духовенства, но и заручившийся поддержкой семинарской корпорации приходской священник, получивший необходимое духовное образование. Г. Фриз утверждал, что эти изменения были вызваны, с одной стороны, растущим со второй четверти XIX в. напряжением между белым и черным духовенством, а с другой — стремлением центральных властей интегрировать церковь в активно развивающуюся министерскую модель управления²⁶.

Природа семинарского самоуправления: автономия под надзором

Структурные преобразования должны были стать фундаментом для развертывания другого важного нововведения — расширения автономии местных администраций духовных школ. Как уже было сказано ранее, в результате реформы 1867 г. семинарским правлениям надлежало не только самостоятельно разрабатывать принципы воспитания будущих пастырей, но и закреплять их формально в виде официальных нормативных документов — инструкций и правил внутреннего распорядка. Такая практика была введена не для всех учебных ведомств. Так, правила для воспитанников гимназий и прогимназий по итогам реформ 1860–1870-х гг. по-прежнему устанавливались централизованно Министерством народного просвещения²⁷.

Регламенты духовных школ, с одной стороны, должны были отражать взгляды самого приходского духовенства на воспитание священнослужителей, а с другой — отвечать требованиям нового устава и ожи-

и С.В. Керский — в прошлом инспекторы (смотрители) духовно-учебных заведений. См.: Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии. 1819–1920-е гг. Т. 1. Киев, 2014. С. 535–536; Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 2. СПб., 1913. Стб. 1259.

²⁵ РГИА. Ф. 802 Оп. 9. 1876 г. Д. 8. 6 л.; Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Архангельской епархии (в 1870 г.). СПб., 1870. С. 56.

²⁶ Freeze G.L. Op. cit. P. 13–15, 25.

²⁷ Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. Казань, 1874. С. 3–23.

Курская духовная семинария. Открытка начала 1900-х гг.
НЭБ, Изодументы

даниям чиновников Синода. В случае обнаружения несоответствий члены-ревизоры Учебного комитета имели право возвращать документы на пересмотр или даже самостоятельно исправлять их²⁸.

Инструкции для инспекторов и семинаристов оказались в центре разногласий между двумя уровнями духовной власти, а их содержание вскрыло идеологический разрыв между светскими чиновниками и духовными начальниками. Первые сложности проявились уже в 1868 г. Во время ревизии Санкт-Петербургской семинарии директор канцелярии обер-прокурора Синода Н.А. Сергиевский обнаружил в составленных правлением инструкциях и правилах поведения для воспитанников несколько пунктов, противоречащих новому уставу²⁹. Хотя чиновник сразу же указал ректору на допущенные ошибки, правление не поспешило их исправлять. Более того, несогласованные регламенты были напечатаны сначала в памятной книжке семинарии за 1868/69 учебный год, а затем переизданы без существенных изменений в 1873 г.³⁰

Вероятно, полагаясь на авторитет Санкт-Петербургской семинарии, другие духовно-учебные заведения начали частично или целиком копировать содержание опубликованных регламентов. Так, правила поведения учеников Черниговской семинарии и инструкции для инспек-

²⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1867 г. Д. 29; РГИА. Ф. 797. Оп. 49. Отд. I. Ст. 2. Д. 53а. Л. 52–55.

²⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1868 г. Д. 49. Л. 111–112.

³⁰ Памятная книжка С.-Петербургской духовной семинарии. СПб., 1873.

тора Подольской и Курской семинарий были полностью списаны с аналогичных документов Санкт-Петербургской³¹.

Заимствования не ограничивались опубликованными образцами регламентов семинарий. Чиновники Синода отмечали, что правления семинарий массово переписывали в инструкциях положения Устава 1867 г. и синодальные указы, не дополняя собственными педагогическими рекомендациями³². Так, при рассмотрении регламентов той же Санкт-Петербургской семинарии в 1868 г. было отмечено, что правила для воспитанников, «определяя, как должны вести себя ученики во время молитвы и богослужения, повторяют только параграфы Устава, но не входят в подробное развитие этих параграфов, коего следовало ожидать, так как Устав в 11-й главе своей (параграфы 145–155) определяет только общие начала для воспитания»³³.

Повторяющееся копирование инструкций указывает на то, что семинарские правления испытывали затруднения с интерпретацией требований Синода и не понимали, что именно и как им следует формулировать в этих документах, чтобы адаптировать общие установки Синода к нуждам своей семинарии. Такая реакция могла быть обусловлена новизной поставленной перед ними задачи. Предыдущий устав 1814 г., хотя и содержал специальный раздел «Нравственное управление», посвященный обязанностям инспектора, не предлагал конкретных воспитательных практик. Документ предписывал инспекторам действовать «в духе отеческого попечения» по собственному усмотрению³⁴. Безынициативность в составлении регламентов, в свою очередь, вызывала все большее разочарование у синодальных ревизоров, которые с каждой проверкой убеждались в неготовности местных правлений к реальной автономии.

Таким образом, декларируемая автономия имела целый ряд ограничений, как внешних — в виде контроля со стороны центрального управления по духовно-учебным делам, так и внутренних — вследствие самооценки и отсутствия опыта составления официальных регламентов. Эти два фактора стали видимыми движущими силами конфликта между чинов-

³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 150. Д. 884. Л. 20 об.; Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Черниговской епархии, произведенной с 3 мая по 4 июня 1870 г. СПб., 1870. С. 43; *он же*. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Подольской епархии (1871 года). С. 55; *он же*. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Курской епархии (1870 г.). СПб., 1871. С. 48.

³² См., напр.: РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 171. Л. 64–65.

³³ РГИА. Ф. 796. Оп. 150. Д. 884. Л. 22 об.

³⁴ Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных семинарий. С. 964.

никами Синода и семинарскими начальствами в вопросе регламентации воспитательного процесса в духовных школах. Однако, как будет показано далее, противоречия между двумя уровнями духовно-учебной власти носили и более глубокий, ценностно-мировоззренческий характер.

Столкновение схоластического и бюрократического языков: обобщения versus кодификация

Несмотря на межведомственную тенденцию к стандартизации воспитания, согласно которой средние учебные заведения должны были фокусироваться на личностном развитии учащихся, а не подготовке специалистов³⁵, воспитательный процесс в семинариях по-прежнему был нацелен исключительно на формирование будущих священнослужителей. Сообразно этой цели инструкции, составленные семинарскими правлениями, изобиловали богословскими формулировками. Так, в Литовской семинарии требования к взаимодействиям учеников со светскими лицами были сформулированы через новозаветное Послание апостола Павла к Римлянам (13:7): «В сношениях и отношениях к сторонним личностям, <...> воспитанники должны руководствоваться одним общим правилом: воздадите всем должная»³⁶.

Во время ревизии Подольской семинарии в 1871 г. И.К. Зинченко заметил, что один из параграфов правил поведения воспитанников выполнен в виде рассуждения «о высоте звания пастырского, составленного на основании текстов Священного Писания». Редактировавший правила ректор объяснил это тем, что «в воспитанниках мало замечалось внимания к будущему их служению» и ссылки на Писание должны были призвать их сфокусироваться на высоком пасторском призвании. Однако ревизор считал, что «такими рассуждениями в форме правил едва ли можно достигнуть этой цели»³⁷. Эта короткая полемика, зафиксированная в отчете, отражает разность взглядов чиновников Синода и семинарских администраций на сам подход к выработке принципов воспитания семинаристов.

Для семинарских администраций очевидным источником представлений о пастырском идеале было Священное Писание как основ-

³⁵ Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Избранные педагогические сочинения. М., 1985. С. 36.

³⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1867 г. Д. 27. Л. 89 об.

³⁷ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Подольской епархии (1871 года). СПб.: [б.и.], 1872. С. 56.

ное учение о нравственности³⁸. Однако богословские тексты, по своей природе схоластические, не содержали конкретного набора правил, как приблизиться к этому идеалу и уж тем более, как его воспитать в другом. Основными методами нравственного совершенствования традиционно считались молитвы и так называемое «христианское бодрствование», содержащее в себе саморефлексию и дисциплинирование³⁹. Следование им едва ли можно было проверить, оценить и зафиксировать на бумаге. Это создавало следующую точку преткновения между синодальными чиновниками и правлениями семинарий.

Формулировки обязанностей инспекции в инструкциях зачастую носили общий и декларативный характер, сводясь к таким абстракциям, как «вкоренение страха Божьего» или необходимость руководствоваться «сердечным благочестием» вместо сухих предписаний⁴⁰. В Санкт-Петербургской семинарии прямо указывалось, что воспитание не поддается формальной регламентации и должно основываться на практическом опыте⁴¹. Однако подобный подход противоречил ожиданиям Учебного комитета, который стремился получить от семинарий четкие перечни «прямых и положительных» обязанностей, а не «общий характер служебной деятельности и отношений к воспитанникам»⁴².

Правила для учащихся, в свою очередь, парадоксальным образом объединяли в себе чрезмерную обобщенность и избыточную же (по мнению синодальных чиновников) детализированность. Так, регламенты Архангельской семинарии сочетали такие пространственные формулировки-наставления, как «Полезно юноше перенимать в обществе приемы благоприличного обращения людей благовоспитанных; но избегать вольностей людей рассеянных» с подробными, но оттого не более понятными внешнему читателю требованиями «не позволять себе движений быстрых, действий нескромных, при встрече с лицами духовными, начальником города и более известными светскими властями отдавать должное почтение»⁴³.

³⁸ Об этом прямо утверждалось как в семинарских регламентах, так и в учебных программах богословских предметов. Напр.: РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1867 г. Д. 33. Л. 8–12 об.

³⁹ Там же. Л. 10.

⁴⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 149. Д. 150. Л. 2–3 об.

⁴¹ Памятная книжка... С. 79.

⁴² РГИА. Ф. 796. Оп. 149. Д. 150. Л. 2–2 об.

⁴³ Пругавин А. Внутренняя корреспонденция. 2 февраля 1872 г. // Новое время. 1872. № 40. С. 3.

Особенно ярко перекося в сторону излишней подробности был замечен в параграфах, касавшихся религиозных обязанностей и поведения воспитанников: «Входя в церковь с должным благоговением, без шума и стука, ученики становятся на назначенное для каждого место...», «надевающиеся для чтения стихарь должны положить два поклона св. Престолу, взять благословение о. ректора и потом третий поклон отдать св. Престолу», «вообще все ученики обязываются стоять на богослужении чинно, благоговейно и с должным вниманием к совершающейся службе, изображать на себе крест правильно»⁴⁴. Подобная практика показывает, что семинарские правления, с одной стороны, ощущали, что обладают большей экспертизой конкретно в области религиозного воспитания и церковной ритуалистики, а с другой — осознанно выбирали тактику внешней регламентации как более доступный и формализуемый метод по сравнению с разработкой инструментов глубинного духовно-нравственного влияния.

Такая мелочная стандартизация также не находила отклика у членов Учебного комитета. Так, будучи выходцем из духовенства и проработав несколько лет инспектором семинарии, ревизор И.К. Зинченко отмечал, что правила Подольской семинарии во многих пунктах слишком подробны и строги. По его мнению, четкая регламентация жизни была нужна на старте реформы, чтобы исправить учеников. На момент же проверки в 1871 г. нравственный облик семинаристов заметно улучшился. Исходя из этого, ревизор рекомендовал правлению пересмотреть и упростить некоторые положения, касающиеся обязанностей и наказаний воспитанников⁴⁵.

В результате, с одной стороны, ревизоры отмечали недостаток конкретики и чрезмерную схоластичность семинарских правил. С другой — призывали не вдаваться в излишние детали и отказаться от подробной регламентации повседневной жизни воспитанников. Вероятно, такие противоречивые требования, получаемые зачастую от одного и того же чиновника, вызывали недоумение у семинарской администрации. На протяжении 1868–1884 гг. им так и не удалось выработать тот бюрократический язык, который бы одновременно выражал важные для них принципы воспитания семинаристов и отвечал ожиданиям Учебного комитета.

⁴⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1867 г. Д. 27. Л. 87.

⁴⁵ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Подольской епархии (1871 года). С. 57.

Определение нормы через девиантное поведение versus позитивные формулировки

Ориентация на Священное Писание как на основной нормативный источник предопределила не только схоластический характер создаваемых правлениями правил, но и их ориентацию на исправление отклонений от идеала, а не на позитивное воспитание личности. Основным мотивом правил для семинаристов было дисциплинирование — следование распорядку дня, строгое повиновение начальству и своевременное исполнение религиозных упражнений.

Убежденность в том, что сама по себе дисциплина автоматически сформирует у семинаристов качества будущего пастыря, по-видимому, и стала центральной причиной недостатка конкретных позитивных рекомендаций по воспитанию «доброй нравственности». Предполагалось, что «через подчинение незаметно разовьются у воспитанника и укрепятся его нравственные силы, он приучится владеть собой и <...> мало-помалу приобретет характер, основанный на незыблемых началах христианства, и таким образом, сделается способным к тому, чтобы со временем руководить христиан»⁴⁶.

Вместо того чтобы устанавливать для учеников конкретные правила поведения, конкретизирующие библейские добродетели, семинарии шли от обратного и определяли норму через ее нарушения. Например, «положений тела неприличных и неучтивых ученики не должны принимать», «не носить, напр., фуражку на бок, — не засматривать в окна домов, мимо которых приходится проходить; не всматриваться в лица встречающихся на пути»⁴⁷. Формулируя правила таким образом правления, вероятно, пытались избавиться от негативного образа семинариста-хулигана и невежи, прочно закрепившегося в общественном дискурсе⁴⁸. В той же тиражируемой инструкции Санкт-Петербургской семинарии был установлен запрет на «так называемое бурсачество, ухарство, глупое хвастовство грубостью и невежеством, доходящее до цинизма и забвения приличий»⁴⁹.

Негативный способ формулирования норм был характерен и для инструкций, адресованных педагогам и инспекторам. Например, в регламентах той же Санкт-Петербургской семинарии запрещалось «подда-

⁴⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1867 г. Д. 27. Л. 91.

⁴⁷ Памятная книжка... С. 36, 47.

⁴⁸ Манчестер Л. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: НЛО, 2015. С. 203, 207.

⁴⁹ Памятная книжка... С. 77.

ваться на льстивое и низкопоклонное общение» с учениками⁵⁰. Акцент на этом запрете, вероятно, указывает на то, что такая модель поведения была обыденным явлением в семинариях до реформы 1867 г.

Яркой иллюстрацией дисбаланса между воспитательными и репрессивными практиками служит инструкция инспектору Симбирской семинарии: семнадцать ее пунктов детализировали механизмы надзора за воспитанниками, в то время как лишь три касались развития в них новых личностных качеств. Примечательно, что даже эти немногие позитивные пункты в основном регламентировали религиозные практики: «5. Он (инспектор. — *Прим. авт.*) заботится, чтобы ученики имели надлежащее благоговение ко всему священному и не позволяли бы себе небрежного или легкомысленного отношения к Святыне. 6. Он располагает учеников к благочестивым упражнениям, напр., к ежедневному чтению Слова божья». Лишь один из них в самом общем виде описывал универсальные добродетели, которые должны были прививаться будущим пастырям: «7. Он учит учеников правдолюбию, честности, правилам приличия и общепринятым условиям вежливости, внушает почтительность к высшим, дружелюбие, ласковость и услужливость к равным и низшим»⁵¹.

В дореформенный период ключевой позитивной мерой нравственного воспитания являлось обязательное участие семинаристов в религиозных практиках, таких как чтение Библии в установленные часы. Однако в ходе реформы 1867 г. Учебный комитет постановил исключить эти воспитательные меры из повседневного распорядка⁵². Решение было мотивировано тем, что необходимый объем знаний учащиеся получали в рамках специальных богословских дисциплин (Литургика, Гомилетика и Практическое руководство для сельских пастырей), а дополнительные принудительные занятия лишь развивали «холодность учеников к религиозным упражнениям»⁵³.

Такое требование вызывало разногласия даже среди чиновников Синода. Так, директор канцелярии Н.А. Сергиевский поддерживал руководителей семинарий в стремлении сохранить обязательные религиозные упражнения⁵⁴. Вместе с тем лишённые этой традиционной и понятной воспитательной опоры, семинарские правления не смогли предложить

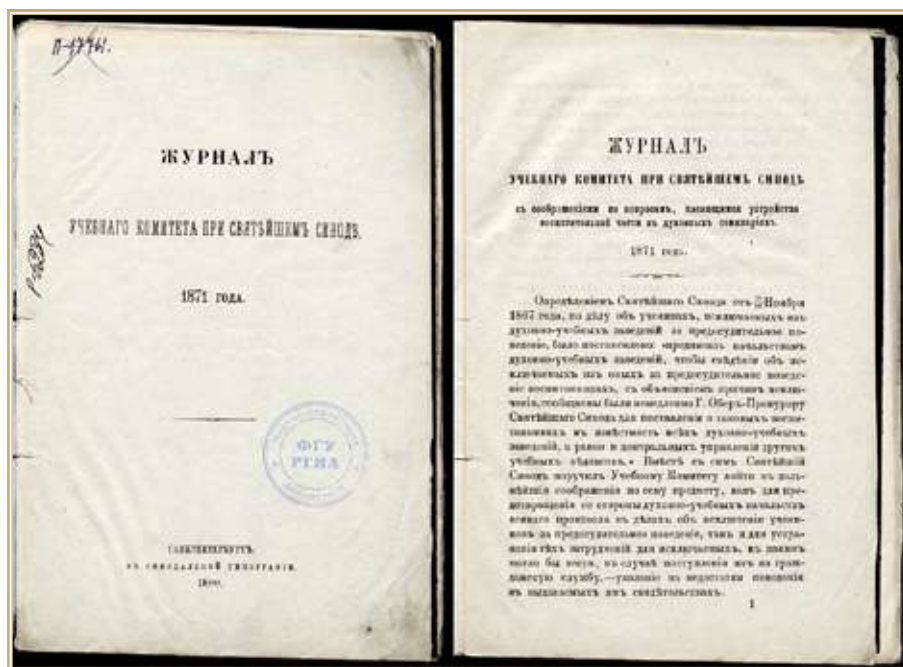
⁵⁰ Там же. С. 78.

⁵¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Д. 814. Л. 7 об.

⁵² Журнал Учебного комитета 1871 г. ... С. 92.

⁵³ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Курской епархии (1870 г.). С. 54.

⁵⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 150. Д. 884. Л. 22 об.

Журнал Учебного комитета при Святейшем синоде 1871 г.
 ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина» (оригинал: РГИА)

ей адекватной замены, что стало одной из причин, приведших к вакууму конкретных позитивных практик в новых инструкциях.

Центральная власть в лице Учебного комитета при Синоде и лично обер-прокурора ожидала, что семинарские правления смогут заменить старые механистичные религиозные практики на новые методы воспитания, которые способствовали бы развитию внутренней, осознанной христианской нравственности семинаристов. Однако администрация духовных школ, опираясь на библейские нравственные каноны и требовавшие искоренения образы «старой бурсы», зачастую сводила воспитание к внешней дисциплине, искоренению конкретных нарушений и насаждению формального благочестия. Это противоречие усиливалось внутренними разногласиями чиновников Синода, многие из которых сами обучались в семинариях и транслировали не консолидированную позицию Учебного комитета, а собственные представления о правильных принципах и способах регламентации воспитания⁵⁵.

Важно и то, что со стороны Учебного комитета при Синоде не последовало каких-либо предписаний или образцов практик, на которые могли бы ориентироваться семинарские правления в деле поддержа-

⁵⁵ Орлова Ю.П. Ревизоры Учебного комитета... С. 109.

ния «доброй нравственности». В новом уставе упоминалось лишь два относительно конкретных направления воспитательной работы: эстетическое и физическое развитие семинаристов. Игра на музыкальных инструментах, рисование, пение, чтение полезной литературы и «другие подобные упражнения» должны были «быть не только дозволяемы, но даже поощряемы с тем, чтобы они всегда были строго нравственны»⁵⁶. Предполагалось, что внеучебные занятия избавят семинаристов от праздности — основной причины «грубости нравов и вкусов», приводящих к безнравственной жизни⁵⁷.

Однако и в этой сфере взгляды и решения синодальных чиновников и семинарских правлений оставались противоречивыми и непоследовательными. В 1867 г. Синод обязал семинарские правления разработать конкретные меры по культурному развитию учащихся. Однако уже к 1871 г. самые популярные из них — домашние спектакли и концерты — были запрещены как отвлекающие воспитанников от учебы и поощряющие «наклонность к рассеянности и развлечениям»⁵⁸.

При этом мнения правлений по вопросу допустимости тех или иных форм эстетического воспитания для будущих священников разделились. Так, увлечение домашним театром в начале 1870-х гг. поддерживали в Самарской семинарии⁵⁹. А во Владимире духовным воспитанникам разрешалось даже посещать публичные концерты и театры, хотя и в сопровождении инспектора⁶⁰. В свою очередь, внутренние регламенты Санкт-Петербургской и Симбирской семинарий строго запрещали подобные развлечения как недостойные будущего призвания⁶¹.

Проблема допустимости театра с точки зрения христианской морали считалась настолько дискуссионной, что даже использовалась в качестве темы для экзаменационных работ семинаристов. Когда учащимся Московской семинарии поручили написать сочинение на эту тему, большинство

⁵⁶ Уставы и штаты духовных семинарий... С. 34.

⁵⁷ Постановление семинарского правления об общих мерах к охранению доброй нравственности между учащимися (продолжение) // Пермские епархиальные ведомости. Официальная часть. 1869. № 51. С. 635.

⁵⁸ О воспреещении устройства в духовно-учебных заведениях концертов, спектаклей, чтений и других публичных собраний // Вологодские епархиальные ведомости. 1871. № 18. С. 372.

⁵⁹ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Самарской епархии: 1873 г. С. 24.

⁶⁰ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Владимирской епархии 1875 года. СПб., 1876. С. 11.

⁶¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 149. Д. 150. Л. 8.

сочло театр приемлемым времяпрепровождением, однако жанры вроде балета подверглись резкой критике как «постыдные зрелища» и «язвища, противные христианству»⁶². Подобный разброс мнений воспитанников отражал более широкий идеологический спектр внутри самой семинарской администрации, где сталкивались консервативные, умеренные и прогрессивные взгляды на роль светской культуры в духовном воспитании.

Неменьшую полемику вызывал и выбор книг для внеучебного чтения, а также исполнение светской и народной музыки при обучении пению или игре на музыкальных инструментах. Ревизоры Учебного комитета с удивлением обнаруживали, что в отдельных семинариях учиться музыке позволялось только на «каком-либо благородном инструменте» типа гуслей, в то время как флейта строго запрещалась как «беспокойная для соседей и проходящих»⁶³. Чтение же, напротив, почти не контролировалось. В результате воспитанники зачастую без разбора читали Гоголя, Пушкина, Лермонтова и Кольцова, трактаты по естествознанию, физике и логике и общественно-политические журналы, в том числе революционного толка⁶⁴.

Такой подход критиковался членами Учебного комитета, однако концептуально ситуация не менялась. В отличие от Главного управления военно-учебных заведений и Министерства народного просвещения, которые детально регламентировали в своих уставах формы внеучебной деятельности (включая, к примеру, обязательные совместные чтения и регламентированное количество часов, которые воспитатели должны были проводить с учениками в военных гимназиях)⁶⁵, Синод ограничился общей декларацией, целиком доверив разработку методов эстетического воспитания семинариям. Эта политика не привела к успеху, поскольку на местах так и не сложилось единого понимания того, какие практики эстетического воспитания допустимы для нравственного развития будущего клирика.

Безусловно, отчасти проблема упиралась в недостаток финансирования, которое не позволяло закупать инструменты, книги, платить учителям искусств и строить гимнастические залы⁶⁶. Однако, как пока-

⁶² РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 104. Л. 161.

⁶³ См., напр.: Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Кавказской епархии в 1871 году. СПб., 1871. С. 155.

⁶⁴ Там же. С. 129–133.

⁶⁵ Инструкция воспитателям Петровской Полтавской военной гимназии: Утв. в заседании Частного пед. ком. 6-го марта 1875 г. Полтава, 1875. С. 1.

⁶⁶ См., напр.: Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Кавказской епархии в 1871 году. С. 156; РГИА. Ф. 797. Оп. 49. Отд. I. Ст. 2. Д. 6. Л. 55 об.–56.

зывает анализ делопроизводственных материалов, идеологическая неопределенность оказалась значимее финансовых проблем. Синод делал ставку на автономию правлений, предполагая, что их взгляды едины. Но на практике от семинарии к семинарии подходы к воспитанию разнились. А попытки стандартизировать воспитательный процесс «сверху» путем издания циркуляров не имели должного эффекта, о чем красноречиво свидетельствуют случаи нарушения предписаний о запрете театральных представлений.

Заключение

Анализ взаимодействия центральной синодальной власти и правлений духовных семинарий в 1860–1870-х гг. позволяет выявить глубокий системный разрыв между ними, основанный на принципиально разных идеологических подходах к воспитанию будущих пастырей. Этот разрыв был обусловлен несколькими взаимосвязанными причинами.

Во-первых, семинарии оказались не готовы к предоставленной автономии как в силу отсутствия опыта самостоятельной разработки регламентов, так и из-за недостатка кадровых и финансовых ресурсов. Они не сумели в сжатые сроки создать унифицированный нормативный язык для регламентации воспитательного процесса, отвечающий ожиданиям высшей церковной власти. При этом, в отличие от университетских профессоров, которые, согласно исследованию Е.А. Вишленковой и К.А. Ильиной, еще в первой половине XIX в. «рассматривали тексты для министерства как очередное упражнение в риторике»⁶⁷, члены семинарских правлений в 1860–1870-х гг. отвергали чуждую им бюрократическую систему и продолжали выстраивать коммуникацию с Синодом на привычном им схоластическом языке.

Во-вторых, между сторонами возник конфликт на почве фундаментального различия во взглядах на то, как следует организовывать воспитание будущих священников: стремление обер-прокурора и Учебного комитета при Синоде к формализованному контролю столкнулось с убежденностью семинарских правлений в том, что воспитательный процесс по своей природе не поддается жесткой регламентации. Эти

⁶⁷ Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Наука управлять: господство через знание и реформа управления российским образованием в первой половине XIX в. // *Ab Imperio*. 2017. № 4. С. 71.

обстоятельства порождали пассивность, имитацию деятельности или прямое сопротивление, вплоть до игнорирования рекомендаций синодальных чиновников и уничтожения отчетов в семинарских архивах⁶⁸. В 1872 г. Д.А. Толстой лично жаловался главе Тверской епархии, что правление местной семинарии «дозволяет себе руководствоваться более личными воззрениями, нежели подлежащими постановлениями»⁶⁹. Разобщенность взглядов как среди чиновников Синода, так и среди семинарских правлений, а также влияние неформальных, личных и корпоративных связей усугубляли ситуацию и препятствовали созданию системы управления воспитанием, основанной на рационально-легальном принципе.

Таким образом, в ходе эксперимента по внедрению новых бюрократических практик в процесс подготовки будущих пастырей проявился конфликт не просто уровней управления, но разных бюрократических культур. Политика автономии под надзором, в рамках которой семинарским правлениям была делегирована разработка инструкций, вполне укладывалась в общую канву alexandrovских реформ, где местные органы управления предполагалось «контролировать и регламентировать, согласовывая местные интересы с общегосударственными»⁷⁰. Однако на практике эта модель столкнулась со специфическим вызовом в лице местных семинарских администраций, которые, в отличие от архиереев, исторически были исключены из бюрократической коммуникации с органами высшей церковной власти и придерживались своей специфической системы норм и практик. Это столкновение предопределило провал эксперимента и свертывание автономии. Уже в 1875 г. Учебный комитет при Синоде издал «Собрание постановлений 1867–1874 гг. относительно устройства духовных семинарий и училищ», которое стало символическим возвращением к идее регламентации воспитательного процесса «сверху»⁷¹. Сам же конфликт продемонстрировал общую закономерность эпохи: попытки создать гибридные управленческие

⁶⁸ Копия журнала педагогического собрания о рассмотрении дела ученика Иркутской духовной семинарии Петра Мармариссова. 1868 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Отд. I. Ст. 2. Д. 180. Л. 36–39.

⁶⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 42. Отд. I. Ст. 2. Д. 26. Л. 326–327.

⁷⁰ Ружицкая И.В. Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.) М.: Ин-т российской истории, 2009. С. 220.

⁷¹ Собрание постановлений Святейшего Синода 1867–1874 гг. относительно устройства духовных семинарий и училищ, согласно требованиям высочайше утвержденных 14 мая 1867 года духовно-училищных уставов. СПб.: Синодальная типография, 1875.

модели, сочетавшие элементы самоуправления с жестким контролем, приводили к кризисам, когда локальные институты не были готовы или не желали играть по навязанным им бюрократическим правилам.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Алексеева С.И. *Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России, 1856–1904 гг.* СПб.: Наука, 2006. 276 с.
Alekseeva S.I. *The Holy Synod in the system of higher and central state institutions of post-Reform Russia, 1856-1904.* St. Petersburg: Nauka, 2006. 276 p. <https://www.elibrary.ru/qucndf> (In Russ.).
2. Барыкина И.Е. *Государственное управление России второй половины XIX века: ученые и специальные институты.* СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
Barykina I.E. *State Administration of Russia in the second half of the 19th century: scientists and special institutes.* St. Petersburg: Nestor-History, 2018. 368 p. <https://www.elibrary.ru/pokgor> (In Russ.).
3. Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Наука управлять: господство через знание и реформа управления российским образованием в первой половине XIX в. *Ab Imperio.* 2017;(4):65–107.
Vishlenkova, Elena A., and Ksenia A. Ilna. The Science of Governing: Domination through Knowledge and the Reform of Russian Education Management in the First Half of the Nineteenth Century. *Ab Imperio,* 2017;4:65–107. (In Russ.).
4. Жукова Л.А. *Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество, 1864–1917 гг.* М.: Хронограф, 1998. 179 с.
Zhukova L.A. *Zemstvo self-government and bureaucracy In Russia: conflicts and cooperation, 1864-1917.* Moscow: Chronograph, 1998. 179 p.

5. Мангилёва А.В. В замкнутом круге бюрократизации и реформ приходской жизни: диалог о книге А.Л. Беглов «Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы». *Российская история*. 2024;(4):70–87.
Mangileva A.V. In the vicious circle of bureaucratization and reform of parish life: a dialogue about the book by A.L. Beglov “The Orthodox Parish in the Decline of the Russian Empire: state, discussions, reforms”. *Russian History*. 2024;(4):70–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S2949124X24040067>
6. Манчестер Л. *Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России*. М.: НЛО, 2015. 448 с.
Manchester L. *Popovich in the World: Clergy, Intelligentsia and the Formation of Modern Self-awareness In Russia*. Moscow: UFO, 2015. 448 p. (In Russ.).
7. Орлова Ю.П. Ревизоры Учебного комитета при Св. Синоде как агенты реформы духовного образования 1867 года. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2025;73(1):105–120.
Orlova Yu.P. Auditors of the Educational Committee at the Holy Synod as agents of the reform of spiritual education in 1867. *Bulletin of Tver State University. Series: History*. 2025;73(1):105–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.26456/vthistory/2025.1.105-120>
8. Римский С.В. *Российская церковь в эпоху Великих реформ: церковные реформы в России 1860–1870-х годов*. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 568 с.
Rimsky S.V. *The Russian Church in the Era of Great Reforms: Church Reforms In Russia in the 1860s and 1870s*. Moscow: Krutitsky patriarchal Compound, 1999. 568 p. (In Russ.).
9. Ружицкая И.В. *Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.)*. М.: Институт российской истории, 2009. 340 с.
Ruzhitskaya I.V. *The Enlightened bureaucracy (1800-1860s)*. Moscow: Institute of Russian History, 2009. 340 p. (In Russ.).
10. Сухова Н.Ю. *Высшая духовная школа: проблемы и реформы*. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. 658 с.
Sukhova N.Yu. *Higher Theological School: Problems and reforms*. Moscow: PSTGU Publishing House, 2012. 658 p. <https://www.elibrary.ru/qvycht> (In Russ.).
11. Сухова Н.Ю. История управления духовно-учебными заведениями в России, 1807–1967 г. *Богословский сборник*. 2005;(13):206–235.

- Sukhova N.Yu. History of management of spiritual educational institutions In Russia, 1807–1967. *Theological Collection*. 2005;(13):206–235. (In Russ.).
12. Ферапонт (Широков П.Ф.), иером. Ревизии духовных школ до учебной реформы 1867 года. *Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии*. 2022;21(4):83–94.
Ferapont (P.F. Shirokov), Jerome. Revisions of theological schools before the educational reform of 1867. *Theological collection of the Tambov Theological Seminary*. 2022;21(4):83–94. (In Russ.). https://doi.org/10.51216/2687072X_2022_4_83.
13. Freeze G.L. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p.
14. Lincoln W.B. *In the vanguard of reform: Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982. 297 p. URL:

Юлия Павловна Орлова
Yulia P. Orlova

аспирант факультета истории
АНООВО «Европейский университет
в Санкт-Петербурге»,
ORCID: 0009-0003-1152-8943

Postgraduate student, Faculty of History,
European University in St. Petersburg,
ORCID: 0009-0003-1152-8943

Поступила в редакцию /
Received
13.11.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
22.01.2026

Принята к публикации /
Accepted
16.02.2026